

— Сто восемь? С такой оравой только на гору Ляншань разбойничать идти... — Се Чунъянь небрежно усмехнулся и выпрямился, с ленивым интересом разглядывая юношу. — Сегодня ты превзошел сам себя. Надеюсь, если подобное повторится, мы сможем обойтись без тайн.

Котёнок мягко перебирал лапками по коленям Чэн Фаня. Тот осторожно перехватил крошечную подушечку, вскинул подбородок и изогнул бровь:

— Я же не круглый дурак. Сразу понял, что нас пытаются поссорить.

Чунъянь тепло улыбнулся.

— Конечно, ты у меня самый умный. — Он неторопливо развернулся и, направляясь к выходу, добавил: — Завтра встаем пораньше. Утром едем к твоим родителям, а на вторую половину дня запланированы другие дела.

— Хорошо, — коротко отозвался Чэн Фань и ушел в свою комнату, бережно прижимая к себе пушистый комок.

На столе его ждали три посылки — заказанные накануне кошачьи обновки и дразнилка. Он достал крошечные вязаные свитеры нежно-розового и небесно-голубого цветов. Выглядели они невероятно мило.

Котёнок оказался на удивление покладистым. Пока юноша натягивал на него одежду, малыш забавно крутил круглой головой и ласково терся о его запястье. А как только все было готово, он обхватил лапками ладонь хозяина и сладко замурчал, зарываясь носом в рукав.

Чэн Фань приподнял питомца на уровень глаз, чувствуя, как душу затапливает детская, чистая радость. Ничего подобного он не испытывал уже давно.

Теперь у него есть живое существо, которое принадлежит только ему. Полностью.

Мягкий лунный свет струился сквозь оконное стекло, серебра волосы юноши и очерчивая его хрупкий силуэт на полу.

Ему пришла мысль, что питомцу нужно дать имя.

Он принялся перебирать варианты. Внезапно в мыслях всплыл один конкретный иероглиф. Юноша и сам не понимал, откуда тот взялся, но от него в груди разлилось странное, щемящее беспокойство, словно кто-то задел невидимую струну в его душе.

Поколебавшись, он решил выбрать другое имя — простое и звучное.

— Отныне звать тебя будут Момо, — прошептал он, глядя в блестящие кошачьи глаза.

На следующее утро в гостиной особняка семьи Чэн царила привычная сонная тишина. Несмотря на будний день, чета Чэн отменила все поездки в офис, едва узнав, что сегодня Чэн Фань приедет вместе с Се Чунъянем.

Чэн Аня разбудил старый дворецкий. Молодой человек спустился вниз вялый и недовольный. Узнав, что его подняли ни свет ни заря только из-за приезда сводного брата, он окончательно вышел из себя. На его лице застыла мрачная гримаса.

— Притащить в дом мужика и даже не предупредить... Впрочем, чего еще ждать от этой приبلуды? Совсем распоясался, — процедил Чэн Ань, вальяжно развалившись на диване.

— Тише ты, — осадила его мать. — Скоро приедет господин Се. Смотри не ляпни при нем глупость.

Чэн Ань лишь сильнее распалился:

— Мама, у Се, конечно, огромное влияние, но это не значит, что он без ума от Чэн Фаня. — Вспомнив свежие сплетни, которыми с ним поделился Линь Сицун, он оживился: — Я слышал, у него на самом деле есть любимый человек. И живет тот в Жунчэне.

— В Жунчэне? — Пальцы госпожи Чэн дрогнули, едва не пролив чай. Лицо ее мгновенно побледнело. — И... что дальше?

— Да ничего. Главное, ты должна понимать: никакой любви там нет. Се Чунъянь просто сошелся с ним из-за смазливой мордашки. Готов поспорить, Чэн Фань на те же семьдесят-восемьдесят процентов похож на того, кто действительно дорог господину Се.

Госпожа Чэн явно не желала развивать тему, связанную с Жунчэнем, и поспешила перевести разговор в другое русло:

— Ты действительно твердо решил пойти в шоу-бизнес?

— Угу, — лениво отозвался старший молодой господин. — Наша семья и так крутится в киноиндустрии. Отец считает, что под видом финансирования моих проектов можно будет незаметно проворачивать нужные суммы. К тому же у звезд мировой величины невероятные связи. Вот добьюсь международного признания, и мой будущий парень окажется ничуть не хуже этого Се Чунъяня.

Чэн Анем двигало единственное желание — во всем превзойти Чэн Фаня. Сама мысль о том, что ненавистный брат может устроить свою жизнь лучше и счастливее его, вызвала у него зуд.

Ему было жизненно необходимо видеть Чэн Фаня несчастным. Только тогда его собственное эго ликовало.

Тем временем к особняку подъехал автомобиль. Се Чунъянь и Чэн Фань приготовились выйти.

Сегодня Момо ни на шаг не отпускал хозяина, так что юноше пришлось взять его с собой. Наблюдая за этой нежностью, Чунъянь с легкой улыбкой спросил:

— Действительно так сильно его полюбил?

Чэн Фань не ответил сразу. Он лишь медленно поднял на него взгляд своих светлых глаз и только спустя минуту тихо, почти нехотя, выдохнул:

— Да.

У самого входа их встретил старый дворецкий. Заметив пушистого зверька на руках у юноши, он приветливо улыбнулся:

— Доброе утро, младший молодой господин.

Чэн Фань лишь слегка кивнул в ответ.

В этот момент в холл торопливо спустились хозяева дома. Позади них с самым кислым видом плелся Чэн Ань.

Едва завидев сына, госпожа Чэн залилась слезами:

— Сяо Фань! Боже, как ты исхудал-то! Мама так по тебе скучала!

Глядя на этот разыгранный спектакль, Чэн Фань ответил бесстрастно:

— Вовсе нет. Я даже прибавил полтора килограмма.

Женщина поспешно промокнула сухие глаза платком и приторно улыбнулась:

— Ну, материнскому сердцу всегда кажется, что ребенок голодает.

Отец Чэн с почтением поклонился гостю:

— Директор Се, прошу вас, проходите в дом. На улице сегодня зябко.

Чэн Ань тем временем буравил сводного брата тяжелым взглядом. Заметив на его руках котенка, он демонстративно повысил голос:

— Чэн Фань, ты в своем уме? Прекрасно знаешь, что у меня аллергия на кошачью шерсть, и все равно тащишь эту тварь сюда?

— Аллергия? Надо же, а я думал, ты давно вылечился, — парировал юноша, одарив его ледяным, пронзительным взглядом. — Помнится, когда я как-то приболел, то лично видел, как ты срывал злость на соседском полосатом коте. Ты тискал его довольно долго, но никаких признаков удушья я тогда не заметил.

Чэн Ань опешил. Он и подумать не мог, что брат тогда что-то заметил.

Разумеется, никакой аллергии у него не было. Он выдумал ее только для того, чтобы в очередной раз досадить Чэн Фаню.

Хранивший до этого молчание Се Чунъянь ровным голосом заметил:

— Молодому господину Чэну не мешало бы повнимательнее изучить законы об ответственности за жестокое обращение с животными, чтобы ненароком не перейти черту. — Закончив фразу, он мягко обнял Чэн Фаня за талию: — Ты, должно быть, устал стоять. Пойдем внутрь.

Поддав смущение от этого жеста, Чэн Фань позволил увлечь себя вперед. Оставив

растерянных родственников позади, они первыми вошли в просторную гостиную.

В гостиной госпожа Чэн суежилась, стараясь выказать гостю максимум уважения, и лично разлила чай.

Чунъянь принял угощение без лишних церемоний. Он держался вежливо, но отстраненно, сохраняя холодную дистанцию и даже близко не напоминая покладистого зятя.

— Это проектная документация главного инвестиционного направления корпорации «Сеши» на ближайшие три года, — спокойно произнес он, выкладывая на стол папку. — Пять процентов акций этого стартапа станут моим свадебным даром для Сяо Фаня.

При виде этих бумаг у супругов Чэн перехватило дыхание. Как бы они ни пытались сохранить мину благородного бескорыстия, жадный блеск в глазах скрыть не удалось. Стоимость этого соглашения о передаче прав исчислялась астрономическими суммами.

Проект «Хуаси» считался крупнейшим финансово-строительным начинанием в стране, имеющим колоссальное значение и на международном рынке, где в партнерах значились ведущие зарубежные фонды.

Пять процентов этой доли приносили такой доход, какой их семья не смогла бы заработать и за три поколения.

Чэн Фань ничего не знал об этом жесте заранее, догадываясь лишь, что у его спутника есть свой план. Глядя на то, с каким трудом родители сдерживают ликование, он повернулся к Чунъяню.

Тот сохранял абсолютное спокойствие. Почувствовав на себе взгляд юноши, он протянул руку и ласково погладил его по голове, стараясь не задеть массивными часами нежную кожу.

Сквозь тонкие стекла очков в золотой оправе его красивые глаза смотрели с такой теплотой и нежностью, что заподозрить фальшь было просто невозможно.

Сердце Чэн Фаня пропустило удар. Он поспешно отвел взгляд, вновь уставившись на родителей.

Наблюдавший за этой сценой Чэн Ань до боли сжал кулаки, комкая ткань брюк. Зависть и злоба ядовитыми сорняками прорастали в его душе.

«Это игра. Се Чунъянь просто притворяется!

Слухи, которые принес Линь Сицун, не могут быть ложью. Наверняка этот паршивец просто похож на его тайную любовь».

Однако, как бы старший брат ни пытался себя успокоить, один факт не давал ему покоя: Се Чунъянь расщедрился на столь колоссальное состояние ради простого соглашения.

В тишине раздался спокойный голос Чэн Фаня:

— Мама, раз уж брат Чунъянь проявил такую щедрость, нашей семье ведь тоже стоит подготовить ответный жест?

На лице госпожи Чэн на мгновение промелькнуло замешательство, но она тут же натянула дежурную улыбку:

— Разумеется!

Она поспешно поднялась в кабинет на втором этаже и вскоре вернулась, держа в руках старинную фамильную подвеску в форме веера из темно-зеленого нефрита.

— Наши скромные возможности не сравнятся с величием семьи Се, но я всем сердцем желаю вам счастья. Возьми и этот чек, Сяо Фань. Пусть это будет моим скромным подарком — на хорошую яхту вам точно хватит.

— Спасибо за вашу заботу, — вежливо отозвался Се Чунъянь. — Сяо Фань, забирай это.

Взглянув на сумму в чеке, юноша мысленно улыбнулся. Чтобы задобрить столь влиятельного зятя, родители явно решили не скупиться и выложили кругленькую сумму.

Этих денег с лихвой хватит, чтобы откусить долю в покупке того самого участка земли, о котором так мечтал Чэн Ань.

Правда, полученную сумму еще предстояло честно разделить пополам с Чунъянем.

Настроение Чэн Фаня заметно улучшилось. Он принялся гладить Момо куда ласковее и, повернувшись к партнеру, заговорщически улыбнулся:

— Что ж, тогда я забираю.

Се Чунъянь на секунду замер, замороженный его улыбкой.

«Надо же, обычный чек принес ему столько радости?»

Перед отъездом Се Чунъянь остался побеседовать с хозяевами дома. Пользуясь моментом, Чэн Фань сослался на необходимость отнести котенка в уборную, а сам незаметно проскользнул в кабинет матери.

Оставив Момо на широком подоконнике, он достал телефон, включил камеру и бесшумно двинулся вглубь комнаты. Привычным жестом отыскав тайник с лекарствами, он зафиксировал все на видео и вернул вещи на прежние места.

Затем он заглянул в свою старую комнату и переложил в карман коробку с таблетками, которую стащил отсюда еще три месяца назад.

Забирать из этих стен было почти нечего, кроме пары танцевальных аксессуаров и старых альбомов с рисунками.

Выглянув в коридор, он заметил, что Момо увлеченно играет с листьями декоративного деревца в кадке. Юноша тихо позвал питомца, но тот даже не повернул головы. Решив не

мешать малышу, Чэн Фань вернулся к сборам.

Тем временем в гостиной атмосфера стремительно остывала.

Тон Се Чунъяня лишился былой светской мягкости. В его голосе зазвучали властные, леденящие нотки. Он прямо посмотрел на госпожу Чэн:

— Поведение вашего старшего сына вызывает у меня крайнее недоумение. За всю мою жизнь никто еще не позволял себе высказываться в мой адрес в столь оскорбительной манере.

Мать готова была сквозь землю провалиться от злости на собственного отпрыска, а сам Чэн Ань сжался в комок, боясь даже поднять голову.

Отец Чэн в ярости ткнул пальцем в сторону сына:

— Ты совсем с ума сошел?! Как ты смел так обращаться к директору Се? Избаловали мы тебя на свою голову!

— Я... я просто вспылил, — всхлипнул старший брат, пытаясь оправдаться. — Это все Линь Сицун... Он меня подначивал, да и выпил я лишнего... Господин Се, клянусь, это больше не повторится!

Чунъянь брезгливо отвел взгляд, не желая созерцать эти фальшивые слезы. Его пальцы лениво постукивали по подлокотнику дивана.

— Подобная невоспитанность — прямое следствие вашего потакания. Однако я искренне благодарен за то, что Чэн Фань вырос совершенно другим человеком. Только ради него я не стану раздувать этот инцидент.

— Благодарю вас за великодушие, — поспешно закивала госпожа Чэн.

— И все же, — Се Чунъянь холодно усмехнулся, — вам стоит проявить больше строгости в его дальнейшем воспитании. Иначе в следующий раз, когда он решит оскорбить кого-то другого, удача может ему не улыбнуться.

— Вы абсолютно правы, мы займемся этим немедленно, — заверил его помрачневший отец.

Униженный и злой, Чэн Ань разрыдался от жалости к себе. Не желая больше оставаться мишенью для упреков, он пробормотал что-то про умывание и поспешно скрылся из гостиной.

Поднимаясь по лестнице, он краем глаза заметил котенка, беззаботно играющего у кадки с цветком. В груди вспыхнула волна темной, неконтролируемой злобы.

Оглядевшись и убедившись, что в коридоре никого нет, он бесшумно двинулся к животному.

Раздался пронзительный кошачий визг.

Чэн Фань мгновенно распахнул дверь своей комнаты и выскочил в коридор. Момо, весь взъерошенный, мелко дрожал от пережитого испуга.

Чэн Ань вздрогнул, встретившись взглядом с братом. На мгновение на его лице отразилось замешательство, но он тут же нагло нахмурился:

— Твой паршивый кот чуть не вцепился мне в руку. Такой же дикий и придурочный, как и его хозяин.

Янтарные глаза Чэн Фаня оставались абсолютно мертвыми и холодными. Не говоря ни слова, он бережно поднял дрожащего котенка и крепко прижал к себе, пытаясь успокоить.

Момо прятал круглую испуганную мордочку в изгибе его локтя, безуспешно пытаясь скрыться от угрозы.

Приняв молчание брата за слабость, Чэн Ань заговорил еще наглее:

— Кажется, эта тварь расцарапала мне палец. Ты вообще собираешься воспитывать свое животное или...

Договорить он не успел. Тяжелый кулак с размаху врезался ему прямо в глаз. В воздухе мгновенно почулся резкий металлический запах крови.

Перед тем как нанести удар, Чэн Фань успел пересадить Момо на безопасный подоконник застекленного балкона, откуда котенок теперь с любопытством наблюдал за происходящим.

От боли у Чэн Аня помутилось в глазах. Схватившись за разбитое лицо, он пошатнулся.

Но не успел он издать и звука, как тяжелый пинок в живот лишил его равновесия, заставив позорно рухнуть на пол.

— Твою мать, Чэн Фань! Ты что, страх потерял?!

— Чтобы начистить тебе рыло, мне особое разрешение не требуется, — ледяным тоном отозвался Чэн Фань, медленно разминая кулак. — Решил поиздеваться над моим котом? Жить надоело?

Чэн Ань, который был чуть выше брата, с трудом поднялся на ноги. На его разбитых губах змеилась злобная усмешка:

— Раз уж ты сам напросился, не жди пощады!

Шум драки в коридоре привлек внимание старого дворецкого. Увидев, что молодые господа сошлись в яростной схватке, он в панике бросился разнимать их, параллельно отправив служанку за хозяевами.

Когда супруги Чэн наконец добежали до места потасовки, их взору предстала живописная картина: избитый до полусмерти Чэн Ань рыдал, размазывая по лицу кровь и сопли, в то время как Чэн Фань стоял поодаль со спокойно скрещенными на груди руками. Лицо младшего брата было бледным, но во взгляде читалось лишь презрение. Он даже не думал отрицать свою вину.

— Мама! Его мерзкий кот укусил меня! — размазывая слезы по распухшим щекам, заскулил

Чэн Ань. — Я просто сделал ему замечание, а этот ненормальный набросился на меня с кулаками!

Увидев разбитые губы и синяки любимого сына, госпожа Чэн едва не лишилась чувств от жалости. Заметив, что Се Чунъянь задерживается внизу из-за важного звонка, она сорвалась на визг:

— Чэн Фань! Да как у тебя рука поднялась?! Ты же покалечить его мог! Он твой старший брат!

Чэн Фань лишь одарил мать равнодушным взглядом. Он собирался уйти, но краем глаза заметил стремительно приближающуюся фигуру Се Чунъяня.

Волосы Чэн Фаня были растрепаны, на предплечье багровел свежий ушиб, а рукав дорогой рубашки оказался надорван.

Чунъяню не требовалось лишних объяснений, чтобы понять суть конфликта. Он мгновенно оказался рядом с Чэн Фанем. На его лице отразилось неподдельное беспокойство:

— Сяо Фань, ты цел? Где болит?

В груди Чэн Фаня вдруг шевельнулось непривычное, горькое чувство. Он неосознанно сделал шаг ближе к мужчине, прячась за его надежным плечом. Его светлые глаза подернулись влагой, а голос дрогнул, когда он указал пальцем на съездившегося Чэн Аня:

— Он первый полез драться... и хотел покалечить котенка, которого ты мне подарил.

<http://bllate.org/book/19809/1996174>